12. Molitor Anne, Erinnernde Literatur – Die Verarbeitung der nationalsozialistischen Vergangeheit in der deutschen Nachkriegszeit / Molitor Anne // Hamburg : Diplomica-Verlag, 2012. — S. 3—5.
13. Sebald W.G. Luftkrieg und Literatur. Mit einem Essay zu Alfred Andersch / W.G. Sebald // Frakfurt/M: Fischer, 2001. — S. 16.
14. Walser Martin, Ansprachen aus Anlaß der Verleihung / M. Walser //[Електронний ресурс]. — Режим доступу : https://hdms.bsz-bw.de/files/440/walser Rede.pdf.

MARIYA TRETEVYCH
Lviv

THE CHANGE OF MEMORIAL PARADIGM IN THE SOCIO-HISTORICAL AND LITERARY DISCOURSE OF GERMANY 90s – 2000s

Formation of new memorial paradigm under the circumstances of united Germany is an actual problem for modern German society. In the article are examined the basic approaches to determining the beginning of a new literary era; analyzed the historical background and social conditions of changes of memorial culture in Germany.

Key words: historical memory, collective memory, individual memory, paradigm, literary discourse.

МАРИЯ ТРЕТЕВИЧ
г. Львов

МЕМОРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ГЕРМАНИИ В ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ И ЛИТЕРАТУРНОМ ДИСКУРСЕ 90-х – 2000-х ГОДОВ

Формирование новой мемориальной парадигмы в условиях объединенной Германии является актуальной проблемой для современного немецкого общества. В статье рассмотрены основные подходы к определению начала новой литературной эпохи, проанализированы исторические предпосылки и общественные причины изменения мемориальной культуры в Германии.

Ключевые слова: исторический память, коллективная память, индивидуальная память, парадигма, литературный дискурс.

Стаття надійшла до редколегії 17.11.2016 р.

УДК. 821.161.1.09

ЕКАТЕРИНА ХИНКИЛАДЗЕ
г. Харьков
ekaterina.xinkiladze@mail.ru

РОМАН Г. ГРЕБЕНЩИКОВА «ЧУРАЕВЫ» В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА ЭПОХ

В статье рассматриваются средства создания образа прошлой России в романе Г. Гребенщикова «Чураевы» путем изучения особенностей точки зрения, то есть его идеологического, или оценочного слоя. Выясняется, что комбинация точек зрения персонажа и рассказчика со временем превращается в доминирование взгляда именно рассказчика, который транслирует идеализированные представления о вечных ценностях России.

Ключевые слова: точка зрения, оценочный уровень, системы оценок, этнографизм, эмигрантская проза.

История литературы русской эмиграции довольно хорошо изучена, но в своих вершинных образцах. Произведения писателей «второго» ряда только входят в научный и читательский оборот и все еще требуют внимания исследователей. Это касается и исторической беллетристики, которая создавалась в эмиграции. Оторванные от родины вследствие величайших потрясений, писатели стремились осмыслить исторический опыт России, ответить на вопрос о причинах разразившейся катастрофы.

Одну из первых попыток обзора произведений, созданных в эмиграции, как известно, предпринял Г. Струве в книге «Русская литература в изгнании» [2], где кратко и взыскательно оценил сделанное русскими писателями. Дал он и первую «типологию» исторической прозы, называя имена писателей, порой почти ничего не говорящие современному читателю. В обширной главе «Прозаики старшего поколения» он двигается от вершин русской прозы – Бунина, Мережковского, Шмелева, Куприна, Зайцева и Ремизова – к писателям, оставившим, по его мнению, незначительный след в литературе. И неблагоприятные условия для публикации их произведений были только частью причины этого, другая состояла в том, что ими создавалась «если не совсем литература вне литературы, то литература около литературы».

Несмотря на недостаточно высокий художественный уровень, и то, что их «произведения редко отмечались высококвалифицированными критиками», они «пользовались большим и прочным успехом у широких кругов зарубежных читателей» [2, 93]. К числу таких произведений Г. Струве относит роман П. Н. Краснова «От Двуглавого Орла к красному знамени» (1921–1922), произведения В. П. Крымова, Г. Д. Гребенщикова, С. Р. Минцлова, А. М. Ренникова, И. Ф. Наживина, а также романы писательниц Е. А. Нагродской, Н. А. Лаппо-Данилевской и В. И. Крыжановской -Рочестер, называя их «низкосортной литературой». Роман Г. Д. Гребенщикова «Чураевы» автор относит к «этнографической» струе в литературе эмиграции.

Он характеризует это многотомное произведение не слишком лестно, пишет, что у автора «этнография более узкая, областная сибирская, с другой стороны, у него куда больше претензий, замыслы его честолюбивее, он лишен приятной простоты Минцлова, прямое незатейливое повествование его не удовлетворяет» [2, 95]. Анализируя его «главное произведение» – эпопею «Чураевы», – он отмечает, что у молодого писателя поначалу «была несомненная свежесть и сила в описаниях величественной алтайской природы, в характеристике некоторых членов кряжистой старообрядческой семьи Чураевых. Но было много и безвкусия, и даже элементарной безграмотности. В дальнейших томах безвкусие оказалось преобладающим, начиная с самих заглавий отдельных томов…». Г. Струве даже выражал сожаление, что автор романа «не ограничился первым томом «Чураевых». Этот том тоже не открыл бы новой главы в русской литературе, но в нем по крайней мере дана довольно яркая картина быта алтайских староверов, были любопытные фигуры и было гораздо меньше безвкусия и потуг на дешевый символизм. У Гребенщикова есть и произведения в стихах, но о них лучше не говорить» [2, 96]. Попробуем предположить, что, говоря о «символизме», автор этой характеристики имел в виду некоторые аспекты романа, служащие для выражения концепции Г. Гребенщикова, которая, несмотря на невысокий художественный уровень произведения, у него все же была.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы, не преувеличивая идейно-художественных достоинств романа Г. Д. Гребенщикова «Чураевы», установить его место в русской исторической беллетристике периода эмиграции, выявить в нем ключевые проблемы современной ему литературы и философской мысли и формы их воплощения.

Достоинства и уязвимость «Чураевых», на наш взгляд, отчетливее всего проявляются при помещении эпопеи в адекватный контекст. Все же попытка С. С. Царегородцевой, автора диссертации об этом произведении [3], соотнести его с наследием Л. Толстого, скорее, снижают достоинства романа Г. Д. Гребенщикова, чем повышают его ценность. Но если взглянуть на него как на произведение, эксплуатирующее достижения «высокой» литературы, то окажется, что писатель, как и В. Крымов, учитывал горизонт ожиданий читателей, выразил, подобно и С. Минцлову, некоторые тенденции литературы своего времени, прежде всего, этнографическую, а также воплотил собственное представление об исторических судьбах России подобно М. Алданову, П. Краснову, И. Наживину и др. К тому же ему удалось создать, в целом, занимательное произведение, в котором, используя выражение Г. Струве, есть и свой «символизм». Возможно, нелицеприятная

оценка, которую исследователь дал «Чураевым», также во многом была связана именно с точкой отсчета – от «высокой» литературы.

Как известно, литературе рубежа XIX–XX вв., из которой, несомненно, вырастал Г. Д. Гребенщиков, были свойственны многообразные идейно-художественные поиски, приведшие не только к становлению новых литературных течений, но и к обновлению реализма. Обращение к прошлому мирового искусства и культуры, попытки переосмыслить его в соответствии с новыми художественными задачами дали выдающиеся образцы поэзии, прозы, драматургии, а также повлияли на литературу в целом. Думается, Г. Д. Гребенщиков также не избежал этого влияния, и в его романе оно, безусловно, ощущается. Первое, на что хотелось бы обратить внимание, – это развертывание в произведении схемы библейской притчи о блудном сыне. Как известно, обращение к библейскому тексту и переосмысление его, включение в собственный художественный мир было характерно для русской литературы в целом, русского символизма. Но там это сопряжение было неотъемлемой частью религиозно-философских концепций, включалось в жизнетворческие стратегии и т. д. Г. Д. Гребенщиков видит своего героя, Василия, искателем истинной веры и конструирует путь его исканий, модернизируя библейскую схему: тот сначала уходит из родительского дома в учение, оставляя богатейшее имение, заимки; возвращается, обогащенный новым знанием, чтобы просветить свою семью, приобщить ее к новому, а затем бежит, порвав связи с родом, наследством. Слова «беспокойный он у вас, все Бога ищет настоящего...» [1, 429], сказанные о Василии в финале шестой главы III части, не только проливают свет на метания героя в юности, но и предвосхищают его искания в дальнейшем, описанные в следующих томах романа.

Второй интересный аспект этого произведения – попытка воплотить ведущий мотив литературы русского символизма – «вечную женственность». В образе Наденьки, возлюбленной двух антагонистов – Василия (целомудрие) и Викула (сладострастие) схематично выражены сложнейшие философские представления той поры. В первых частях эпопеи Наденька проходит путь самоиспытания, то отказываясь от роли духовной спутницы и отдавая свое тело ненасытному Викулу, то стремясь вырваться из телесного плена, вновь ощутить духовную любовь, сбегая из Чураевки с Василием. Вместе с тем, здесь слышны отзвуки споров и о женской эмансипации, образовании, включении в общественные движения, а также народнической утопии «хождения в народ». Очевидны несовместимость хорошо образованной столичной девушки со старообрядческой средой, несмотря на то, что она с радостью переодевается в принятые в этой среде одежды, ее духовные устремления, правда, выражены как-то путано и неясно. Одним словом, автор эпопеи совмещает, сопрягает распространенные идеи, давая им упрощенное истолкование.

Следует также обратить внимание на отзвуки в «Чураевых» полемики о месте и судьбах России, которые актуализировались в философии русской эмиграции. Путешествие Василия – это своего рода развернутый аргумент автора в этой полемике евразийцев с представителями той точки зрения, что Россия является воплощением «всечеловечности», а ее будущее – во включении в универсальные мировые процессы (Н. Рерих). Однако и здесь сложно говорить об убедительности и глубине постижения проблемы, что в целом свойственно беллетристике, да и идея Василия, ищущего религии универсальной, вступает в противоречие с ее решением у романиста.

Г. Д. Гребенщиков ведет диалог с прошлым и настоящим своей страны, стремясь отыскать глубинные причины, приведшие к разрушению традиционного уклада, к революции и гражданской войне. С одной стороны, он идеализирует старообрядчество, сибирский строй жизни, традиции, разрушаемые гибельным наступлением на Чураевку прогресса, в том числе, западных ценностей. С другой, – ощущает произошедшее с Россией частью какого-то общего гибельного движения в мире, когда в противопоставлении оказываются не только этносы, но и народы, страны, и предлагает художественное осмысление этих

проблем в меру своего таланта. Важность этого произведения состоит не в его выдающейся художественной ценности, не в том, что автор поднялся до уровня Л. Толстого, а в том, что он, как и многие его современники, ставил и решал вопросы исторических судеб России, понимая всю их противоречивость и неоднозначность.

Относящаяся, согласно типологии Г. Струве к «этнографической» струе русской исторической беллетристики в эмиграции, его эпопея дает оригинальный вариант их решения. Причем сам писатель, как нам представляется, хорошо осознавал и уровень своего дарования, и место собственного творчества в литературе, когда писал, что в его эпопее «все образы любви и скорби создавались здесь с единственной думой – воплотить духовные искания современника, участника великих событий и как можно проще и правдивее преломить их в чутких душах подрастающего поколения» [цит. по: 3, 18]. Можно согласиться с автором: действительно, он воплотил задуманное просто; что же касается исторической «правды», то, как показывает опыт исторической беллетристики, созданной в эмиграции, представления о ней были весьма многообразны. Но это, конечно, должно стать темой специального исследования.

Список использованных источников

1. Гребенщиков Г.Д. Чураевы : роман, повести, рассказы / Г. Д. Гребенщиков ; послесл. Н. Яновского. — Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1982.
2. Струве Г. Русская литература в изгнании. Краткий биографический словарь русского Зарубежья / Г. Струве. — 3-е изд., испр. и доп. ; [Р. И. Вильданова, В. Б. Кудрявцев, К. Ю. Лаппо-Данилевский]. — Париж : YMCA-Press ; М. : Русский путь, 1996.
3. Царегородцева С. С. Роман Г. Д. Гребенщикова «Чураевы» в социокультурном контексте эпохи : автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук : спец. 10.01.01 — «Русская литература» / С. С. Царегородцева. — Томск, 2005. — 21 с.

KATERYNA KHINKILADZE
Kharkiv

THE NOVEL «CHURAEVS» BY G. GREBENSHCHIKOV IN THE CONTEXT OF THE ERA OF DIALOGUE

The article deals with the means of creating an image of bygone Russia in the novel «Churaevs» by studying the features the point of view, that is, his ideological or evaluative layer. Accounts that the combination the points of view of the character and the narrator eventually turns into a dominance standpoint is the narrator, which translates the idealized notion of the eternal values of Russia.

Key words: the point of view, the estimated level, the evaluation system, the ethnographism, an emigrant prose.

КАТЕРИНА ХІНКІЛАДЗЕ
м. Харків

РОМАН Г. ГРЕБЕНЩИКОВА «ЧУРАЄВИ» В КОНТЕКСТІ ДІАЛОГУ ЕПОХ

У статті розглядаються засоби творення образу минулої Росії у романі Г. Гребенщикова «Чураєви» шляхом вивчення особливостей точки зору, тобто його ідеологічного, або оціночного шару. Доводиться, що комбінація точок зору персонажа й оповідача згодом перетворюється на домінування погляду саме оповідача, який транслює ідеалізовані уявлення про споконвічні цінності Росії.

Ключові слова: точка зору, оціночний рівень, системи оцінок, етнографізм, емігрантська проза.

Стаття надійшла до редколегії 26.07.2016